
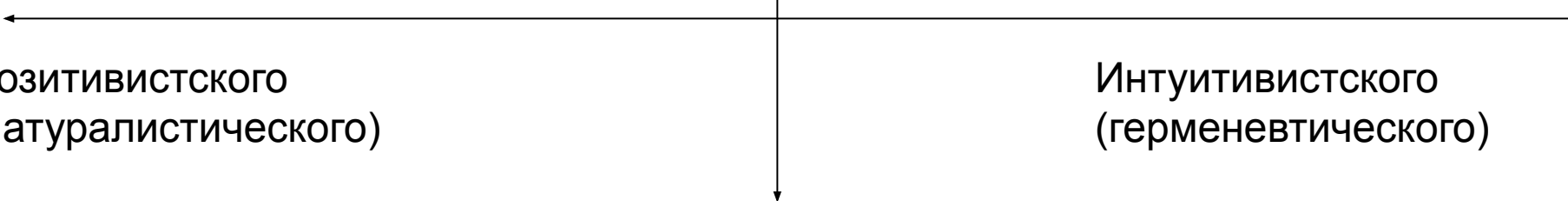

«Эра подозрения» как пример
синтеза критической и
умозрительной установок

1. История гуманитарной гносеологии как история релятивистских ревизий. Очередная критика концепций получения знания заставляла умерять их претензии и предлагать новые, улучшенные варианты.

2. Историю классической гуманитарной гносеологии удобно представлять как историю спора и сосуществования двух полюсов:

Позитивистского
(натуралистического)

Интуитивистского
(герменевтического)

Постструктурализм и постмодернизм

1. История гуманитарной гносеологии как история релятивистских ревизий. Очередная критика концепций получения знания заставляла умерять их претензии и предлагать новые, улучшенные варианты.

Необходимые замечания:

1. Очередная большая методологическая платформа отвечает не только на непосредственно предшествующую ей во времени позицию, но, скорее, на весь предшествующий пласт. Грубо говоря, неопозитивизм, ответ не только неокантианству, но и всей критической традиции вместе с Юмом и Кантом и хоть до Горгия и Протагора; постструктуралистская деконструкция может быть применена и в отношении позитивистов, и в отношении древних греков, и в отношении психоанализа, и т.п.
2. Существование и популярность теоретической критики какой-либо позиции совсем не означают, что критикуемой методологии перестает следовать множество практиковавших ее исследователей. Все равно в «низовом» искусствоведении книги «Урюпинск – великий памятник мирового искусства» и «Урюпинская школа иконописи в 20-х годах XIV века» будут производить (не сознающие своего интуитивизма) интуитивисты и позитивисты, и т.д.

У того, что исследователь может склоняться к критической установке, могут быть совершенно разные причины происхождения

1. Сомнение и недоверие как лейтмотив отношения исследователя к своему материалу (от Декарта через Мабийона и Просвещение к позитивистам).
2. Философская критика способности к познанию вообще, и к гуманитарному – в частности. Юм и Кант; в меньшей степени – романтическая критика просвещенческого рационализма.
3. Признание роли субъективной составляющей исследования: от Вико до Дильтея, неокантианцев и Вебера.

Логика развития критической стратегии от возникновения критического отношения к материалу через оспаривание доказательности знания и понимание субъективной составляющей исследования может быть продолжена. А именно: критику и подозрение следует обращать не только на пробелы и несостыковки. Наоборот, именно логичные и гладкие объяснения, нормальное, «прекрасное» и рекомендованное – и есть именно то, что в первую очередь следует подвергать критическому анализу.

4. «Эра подозрения» - термин употребила Н. Саррот по отношению к теориям К. Маркса, Ф. Ницше и

3. Фрейда. Предполагается, что за ухищрениями высокой культуры вообще и исследовательской логики в частности что-то прячется – скорее всего, что-то очень влиятельное, мало привлекательное и трудно доступное для исследования.

Окарикатуренные варианты логики подозрения

- Посмотрите, как здорово слон прячется внутри вишневой косточки!
 - Не видите? Вот как хорошо прячется!
- Посмотрите, как во всех бедах виноваты враги русского народа (христианство, капиталисты etc.)!
 - Не видите / не согласны? Так они еще и маскируются / отравляют Вам мозги своей пропагандой!
- Посмотрите, как отношения Винни-Пуха и Пятачка являются гомосексуальной садо-мазо игрой!
 - Не видите? Это потому, что и Милн сам это не осознавал и вытеснял, и Вы вытесняете!

Марксизм

1. Понятие «идеологии»: ангажированности знания осознаваемыми и неосознаваемыми классовыми интересами.

«Не только в ответах (Фейербаха, Бауэра, Штирнера), но уже в самих поставленных ими вопросах заключается мистификация».

Немецкая идеология, 1846

2. Практика как критерий истины. Пример: необходимость торжества классовой истины пролетариата будет удостоверена его победой над эксплуататорскими классами, и означает, что правильным является то содержание знания (например, о необходимости революционного террора или просто подкрутить гайки и посадить олигархов и нэпманов), которое ведет к этой победе.

Неомарксизм: отказ от надежды на пролетариат и на перераспределение средств производства

- Идеология – не просто объяснение, предлагавшееся господствующими классами до появления разоблачившей их марксистской критики. Опыт СССР и Германии – демонстрация того, что сосредоточение экономики в руках государства и доступ масс к культуре едва ли положительны.
- Гипотеза об инструментальном разуме. Дело не в том, кому (или даже какому классу и с каким законодательством) принадлежит контроль над средствами производства, а в том, что с древнейших времен предпочтение отдается мышлению, ориентированному на контроль – над природой и другими людьми. Задача: пересмотреть рациональность.
- Поиск позитивной программы. Кое-какие надежды на люмпенов (Маркузе); начало размышлений (в «Диалектике Просвещения» Хоркхаймера и Адорно) об обнаружении зазоров между мышлением и языком и о философии как о критике любого текста. Поскольку аппарат социологии не нейтрален относительно познаваемых структур, критика теории есть критика предмета (Адорно).

Ницше (1844 – 1900)

- Историчность морали, критериев и определений «плохого» и «хорошего».
 - Оспаривание непосредственно христианской системы ценностей как последовательного способа смотреть на историю и культуру с позиции «большинства», «слабых», «заурядных».
 - Освоение навыка проблематизации и исторической критики положительных критериев собственной культуры.
- Понятие «воли к власти» как еще одной универсальной основы действий и высказываний людей.
- Связь понятий «морали» (христианской) и «истины». Склонность, в условиях относительности и незначимости доказательства, обращаться к другим ресурсам убедительности (например, к стилю, экспрессии, сантиментам).

“Анализ фобии пятилетнего мальчика” (1909)

- Пациент (Ганс, сын одного из друзей Фрейда) панически боится лошадей. Фрейд анализирует сны и оговорки, надеясь поймать тот дальний пласт сознания, который не управляется непосредственной волей пациента.

“Ночью в комнате был один большой жираф и другой измятый жираф, и большой поднял крик, потому что я отнял у него измятого. Потом он перестал кричать, а потом я сел на измятого жирафа”

Расшифровка отца ребенка:

- Персонажи: отец – большой жираф, мать – измятый. Ситуация из практики: ребенок просится в постель к родителям и, после непродолжительных споров, мать берет его в постель.

Конструкция Фрейда: Эдипов комплекс (1897 – в письмах, 1910)

Каждый сын на самом деле вожделеет своей матери и находится под психическим прессингом более успешного конкурента – отца.

- у девочек симметричный невроз тоже есть, хотя проявляется значительно слабее.

Объяснение фобии Ганса: детали упряжи ассоциировались у него с очками и усами отца, то есть признаками взрослого мужчины.

- Кстати, для взрослого терапевтический эффект мог бы быть еще выше, поскольку какие-то черты его характера или поведения ему убедительно объяснили бы отсылками на весьма далекое детство.

Презумпция объяснения: *бессознательное* как арсенал образцов смыслонаделения

- Т.е. существуют не известные ребенку (а иногда и взрослому) образцы смыслообразования, которые вполне действительны для восприятия и осмысления уже в сознательном возрасте.
 - «Пациент» не знает ни об Эдипе, ни о том, что он испытывает страх и ощущение неполноценности перед своим отцом;
 - за то время, которое нужно индивиду, чтобы осознанно овладеть навыками культурной и социальной жизни, он незаметно для себя приобретет и массу компенсирующих механизмов, которые совершенно не позволят ему признать собственные комплексы (например, сказать: “Я не могу работать с этим начальником, потому что он напоминает мне моего отца, которого я еще якобы и боюсь!”).

Культура в понимании психоанализа

- Взросление как переход от “*принципа удовольствия*” к “*принципу реальности*”.
- Культура как область механизмов, компенсирующих разрыв между этими принципами (на примере сексуального инстинкта):
 1. Стандарты (моногамный брак - самый реалистичский сценарий в Европе XIX века)
 2. Социальные репрессивные меры - для тех, кто чересчур сильно отклоняется от стандартов.
 3. Идеализации: набор произведений искусства и их интерпретаций, который в своей равнодействующей поддерживает прежде всего стандарты.
 4. Сублимация - возможность благополучно истратить на разработку превращающихся или не превращающихся в артефакты фантазий ту энергию, которая в противном случае ушла бы на чересчур болезненное столкновение с реальностью; переплавка влечений в культурные формы.
- Культура как код, скрывающий игру в бессознательном принципов удовольствия и реальности, может быть и «расшифрована обратно».

Методологические достижения психоанализа

- Модели интерпретации творчества и поведения через особенности психологического и сексуального опыта (часто – детского).
- Включение концептов Желания и Смерти в проблематику объяснения смыслообразования. (Пример: “Телесная укорененность разума”. Связь смыслов «власть» и «распространение» (руки вправо)» в индоевропейских языках).
- Использование бессознательного как “черного ящика”, в котором переплавляются в поведение телесные требования и общекультурные значения. Понимание того, что нечто (детская сексуальность, родовые травмы, архетипы коллективного бессознательного) может скрываться даже за логичными и очевидными объяснениями. И готовность анализировать это нечто.

Новый образ знания - как терапии, избавления от болезни, мучающей на настоящий момент

- Исследование – не самоцель, а медицина: благодаря тому, что пациент осознает двигавшие им втайне от него самого силы, он получает возможность излечиться.
- Познание как средство, как **терапия** по отношению к человеку или к обществу: цель - не установить раз и навсегда “правильный” порядок, но избавиться от конкретного невроза, конкретной проблемы (пока не начнет беспокоить следующая).
Связано с пониманием ограниченности знания во всех методологиях «эры подозрения».
- Осознание того, что искажающие факторы (экономический классовый интерес, воля к власти, влечения к продолжению рода и к смерти) влияют и на мысль самих авторов рецептов.

Из невозможности неискаженного знания - в психоанализе и хабермасовской ревизии неомарксизма намерение удовлетвориться (благожелательной) перманентной критикой, которая будет облегчать индивиду и социуму сосуществование.

Методологии эры подозрения в очень большой мере представляют собой гибрид «недоверия» с умозрительной стратегией

Предположим, мы изучаем историю права в Германии в IX в.

1. Дедуцируем:
 1. Что следовало бы называть правом?
 2. Какой должна была быть история Германии в IX в.?
2. Перемножаем – получаем, какой должна была быть (= неизбежно была) история права в Германии в IX в.
3. Если имеющиеся у нас данные не согласуются с той картиной, которую подсказывает дедуктивная логика (пусть даже и принявшая некоторые аксиомы без критики), значит

**ДАННЫЕ НЕВЕРНО ИСТОЛКОВАНЫ или
ЕЩЕ НЕ НАЙДЕНЫ**

(тем хуже для них)

- Например: «подлинное право» – защита свободы индивида, или защита собственности, или развитие договорных отношений, или судопроизводство, и т.п. В зависимости от того, что «назначить» «настоящим правом» (а также – что назначить настоящей историей – развитие политических учреждений, событий, стоящую за этим ментальность – национальную или всечеловеческую – и т.п.) «история права» в конкретной стране будет очень разной и легко – такой, как это удобно исследователю.
- Еще один пример такого способа думать – так написан любой хороший детектив : сперва подавляющее большинство известных важных фактов укладывается в одну картину с главным подозреваемым № 1, потом – они же, оказывается, еще лучше стыкуются с версией подозреваемого № 2, и так далее.

-
- Т.е.: для упаковки разных фактов в связывающую их воединой конструкцию мы (неминуемо!) пользуемся умозрительной стратегией (также как для «открытия» этой конструкции часто прибегаем к интуиции).
 - Критическая установка (например, неокантианцы) делает акцент на том, что конструкция была привнесена исследователем (тем, чему его научила его культура);
 - Позитивисты будут сравнивать различные конструкции между собой и выбирать более удачную, игнорируя то, что привнесенными/субъективными являются все участники состязания.

В определенном смысле любое исследование

представляет из себя комбинацию разных элементов, разных способов перехода от одного высказывания или аргумента к другому.

Когда мы (еще не) профессионально пишем то или иное исследование, мы тоже совмещаем:

- логические построения умозрительной стратегии;
- искреннее позитивистское желание основываться только на фактах и пользоваться результатами и признанием коллег;
- (незаметно или наоборот, аффектированно) формулировки своих взглядов как интуитивных озарений (когда не получается подтвердить их примером или доказать логически).

В чистом виде эти ориентации мысли практически не встречаются.

Однако довольно удобно, выявляя имплицитную методологию различных гуманитарных исследований, раскладывать ее именно на эти составные части.

Возвращаясь к эре подозрения (в вариантах марксизма и психоанализа)

- Умозрительная составляющая: провозглашение определенного первопринципа еще до фактов: поступки людей определяются их борьбой за материальные ресурсы (с соответствующим объединением в группы, закреплением распределения ресурсов при помощи государства, права, культуры и т.п.) или обстоятельствами формирования их сексуальной идентичности (малозначительные и забытые события детства становятся причинами неврозов, комплексов, вкусов, установок и т.п.).

- В обоих случаях – сталкиваясь с трудно объяснимым поведением индивидов или масс, исследователь не вынужден работать с ним как исключительно с рациональным (так делали бы позитивисты, с поправкой на уровень знания и рациональности описываемых персонажей) и не считает, что свои интерпретации являются субъективными (с чем согласились бы неокантианцы). Поскольку Моне происходил из мелкой буржуазии, да Винчи был гомосексуалистом, и оба не придавали этим фактам достаточного значения, мы, знающие, что к чему, лучше понимаем подлинный смысл их произведений!

- Критическая составляющая: мы не доверяем интерпретациям, причем даже самым хорошим, естественным и стыкующимся. Мы знаем и о себе, что сами находимся во власти тех факторов, при помощи которых проясняем поведение других. И, в конце концов, принадлежность к социальной группе и очень высокая степень предопределенности ее культурой, равно как и физиологически и биографически детерминированное подсознание действительно существуют, и очень влиятельны. И в этом лучше отдавать себе отчет.

Эра подозрения: МИНУСЫ И ПЛЮСЫ

С одной стороны, К. Поппер отрясает прах психоанализа и марксизма с рук своих именно за их способность все объяснить. Легкость сведения любого конкретно-исторического поворота дел к универсальным принципам человеческой (общественной) природы. Как раз конструкция подозрения объясняет непрявленность очень глубоко скрытых, но от этого тем более действенных принципов (будь то классовая заинтересованность, либидо или архетипы мифологического сознания).

Формы существования умозрительной стратегии в XX веке.

С другой стороны, критический пафос. Очень частое сближение подходов марксизма и психоанализа в XX веке (Маркузе, Фромм). В частности, Л. Альтюссер: Идеология – единство действительных и воображаемых отношений к действительным условиям человеческого существования. Задача: не критиковать идеологическое сознание, а узнавать механизмы производства идеологии, главный из которых – конституирование определенного субъекта.

Какими нас учат быть?

Направления критики научной программы в гносеологии:

- Логическое (лингвистический анализ – от немецких и британских неопозитивистов до позднего Л. Витгенштейна и У. Куайна и критический рационализм К. Поппера).
- Культурно-исторический релятивизм:
 - Марксистская критика «идеологии»;
 - Релятивизм неокантианцев и М. Вебера: историчность и ограниченность конкретными культурными горизонтами любых систем смыслонаделения;
 - Социология знания.
- Антропологическое (неустраняемая обреченность человека видеть мир только определенным способом и не видеть другими):
 - Кантианство и непознаваемость «вещей в себе»;
 - Теории «эры подозрения» (например, психоанализ);
 - Знание как вечный инструмент отношений власти (не обязательно классовых) – М. Фуко (Ж. Бодрийар, Ж.-Ф. Лиотар);
 - Метафизическая критика европейского знания у М. Хайдеггера, Ж. Деррида и позднего Ж. Делеза.